

ГЕОРГИЙ ГРАУБИН

ПОВЕСТЬ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ



★ О ВОЙНЕ - ДЕТЯМ ★



Георгий Граубин

Повесть о военном детстве

Серия «О войне – детям»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/70794112>

Повесть о военном детстве: Издательство АСТ; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-165250-0

Аннотация

Георгий Рудольфович Граубин (1929–2011) – знаменитый забайкальский писатель, поэт, драматург, краевед, лауреат Всероссийской премии за лучшее произведение о работниках милиции, дипломант Всесоюзного конкурса на лучшую детскую книгу, Заслуженный работник культуры РСФСР. В Чите открыт музей, посвященный творчеству писателя.

В книгу «Повесть о военном детстве» вошла автобиографическая повесть Г. Граубина «Полустанок». Васька вместе с родителями и братом переехал на новое место жительства. Ему предстоит завести друзей, выстроить взаимоотношения со сверстниками и взрослыми, привыкнуть к новому укладу жизни. Все бы хорошо, но планам не суждено было сбыться. Началась Великая Отечественная война... Издание посвящено 95-летию Г. Граубина. Для среднего школьного возраста.

Содержание

Глава первая	8
Проклятое место	8
Поиски	17
Шапочное знакомство	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Георгий Рудольфович Граубин

Повесть о военном детстве

© Граубин Г. Р., насл., 2024

© Дудин А. Л., ил., 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

ГЕОРГИЙ ГРАУБИН

ПОВЕСТЬ
О ВОЕННОМ
ДЕТСТВЕ





Глава первая

Проклятое место

Дед Кузнецов переехал из Жипков на соседний полустанок два года тому назад. С моим отцом он поссорился и при встречах с ним угрюмо смотрел в сторону. Мой отец тогда был заместителем председателя колхоза, а дед Кузнецов – единственным единоличником на всю округу. И поскольку мы жили с ним по соседству, больше всех попадало от приезжавшего начальства моему отцу.

– Во всех деревнях хозяйства коллективизированы на сто процентов, одни вы под боком пригрели единоличника, – возмущались инспекторы. – Ваш единоличник тянет назад весь район. Неужели вы с ним не можете сладить?

С какого только боку ни подходили к Кузнецову: и упрасивали, и убеждали. Но он стоял на своем: что хотите, то и делайте, а в колхоз не пойду.

Когда-то он сеял хлеб в березовой пади, которую так и окрестили Кузнецовской падушкой. Потом там стал сеять колхоз. Земли в падушке было мало – кот наплакал, но надо было оттуда согнать единоличника. Думали, что после этого

он обязательно вступит в колхоз.¹

Кузнецов посуровел, молча перевез из падушки свой инвентарь и стал с ожесточением распахивать пустырь за огородом. Много распахивать ему не дали: закон есть закон. И, перекопав двор, Кузнецов посадил на нем овощи, а в огороде посеял овес и пшеницу.

Странно выглядело кузнецовское поле. На всех деревенских огородах цвела картошка, росли брюква и репа, а в кузнецовском поднимались тощие зеленые злаки.

Проходя мимо кузнецовского дома, мы вполголоса напевали самодельную песенку:

Единличник, единличник,
Выглянь, выглянь за наличник.
Жить в колхозе единлично
Даже очень неприлично!

Один раз отец получил за трудодни целых два ведра меду. А для единоличников вскоре прибавили налоги. Колхозники стали жить зажиточно, а Кузнецов едва сводил концы с концами.

– Петр Михайлович, ведь ты же старый партизан, неловко, что на тебя все показывают пальцами. Вступай в колхоз, ну чего ты упрямишься? – уговаривал его отец.

Петр Михайлович только сердито вздыхал.

¹ **Падушка** – небольшая падь, балка (овраг) на равнине, часто заболоченная и заросшая деревьями (здесь и далее прим. ред.).

– Не замай, Михайлыч, сердце противится. Ишоба мне не хватало быть в вашей компании. А почему – не пытай, все равно не скажу.

– Ну и переезжал бы тогда куда-нибудь, в Клюку, что ли, – не сдержался однажды отец. – Там, по крайней мере, твое хозяйство будет считаться индивидуальным, а тут – единичное. Вся деревня смеется!

Из Клюки к Кузнецову приезжал свояк Лапин. Он настойчиво уговаривал Кузнецова перебраться на станцию.

– Ну, не упрямясь, хрусталик, поедем, будь ласка. И дочь твоя там живет, и унучка, и старухам нашим будет веселее век доживать. Я тебе уже дом сторговал – там запросто целик распахать можно.

Петр Михайлович долго сопротивлялся, но однажды, махнув на все рукой, согласился.

– Поедем. Индо в печенках эта жисть отдается.

Лапин приехал со станции за вещами свояка на старинном, допотопном автобусе с шофером Петькой Хвостовым. Сам Лапин тоже когда-то работал шофером, но после того, как ушел на пенсию, даже не заглядывал в гараж. То ли боялся расстроиться, то ли из стариковской гордости. Но в советах шоферам никогда не отказывал. Хотя советы его касались только отживших свой век машин.

Петька Хвостов прокатил нас на деревянном автобусе по деревне. А когда мы пообещали ему притащить со своих парников огурцов, вывез и за деревню. Но на первом же пригор-

ке мотор заглох, и машина покати́лась назад.

– Не вытянет, лайба! – чертыхнулся Петька и повернул обратно. – Как старая кляча, на могильник пора. – И, остановившись возле кузнецовского дома, заторопил:

– А теперь живет за огурцами!

Петр Михайлович погрузил на телегу плуг, борону, грабли, а все остальное затолкали в автобус, благо, дверь открывалась сзади. В него без особого труда втолкнули даже кровати. Автобус тронулся, по-гусиному переваливаясь на своих допотопных колесах с дубовыми спицами. Петр Михайлович хмуро посмотрел на сбежавшихся по случаю отъезда соседей и, не попрощавшись, сердито понукал лошадь.

И вот теперь на эту же станцию переезжали и мы: отцу не хотелось больше оставаться в деревне. После отъезда соседа-единоличника отца вдруг арестовали и увезли в тюрьму.

А арестовали его прямо в лесу, в Кузнецовской падушке, куда он ездил за дровами. В чем только не обвиняли следователи его: и во вредительстве, и в шпионаже. Обвинение в шпионаже было смехотворным. А вредителем отец себя признал: да, в то время, когда он был заместителем председателя по животноводству, в колхозе был крупный падеж скота. И потребовал над собой открытого суда, чтобы на нем могли присутствовать и колхозники.

Судили отца в новом колхозном клубе, который был набит до отказа. Отец попросил зачитать сводки падежа по декадам. Сводки по его просьбе были зачитаны. Почти весь скот

пал в феврале и марте. После этого отец сказал:

– А теперь проверьте, где я был в это время: я учился на курсах по повышению квалификации.

Председатель колхоза Сущин беспокойно ерзал на своем стуле и растерянно озирался по сторонам. Всем было ясно, что это он написал на отца донос, чтобы переложить вину на его плечи.

Отца оправдали. А через несколько дней уполномоченный НКВД, который его арестовывал, примирительно сказал:

– Ну вот что: засучивай рукава по локоть и принимайся за работу. А кто старое вспомянет – тому глаз вон.

– Нет, уезжать я отсюда собрался, – отрезал отец. – Раньше с охотой работал, а теперь – не могу.

– Саботируешь? – угрожающе возвысил голос уполномоченный. – Что-то быстро ты про недавнее забывать стал.

– А ты и не пугай, я уже пуганный. И кто чего стоит, тоже теперь знаю. Так что не теряй времени на разговоры.

И вот сегодня утром кузнец Бутаков и охотник Цыренов помогли отцу уложить на телегу немудрящий семейный скарб. Цырен Цыренович притащил огромную медвежью шкуру, затолкал ее под веревку.

– Магази́нская прямо. Сороковой медведь был, долго, однако, его боялся. Говорят, сороковой самый опасный, злой. Кто его победит, долго жить будет. Возьми медведну на счастье.

И наша телега медленно покатила на станцию Клюка, что была всего в шести километрах, за лесом...

Кто бы мог думать, что нам снова придется жить с Кузнецовым в соседях! Но наши дома оказались рядом – на отшибе, за линией железной дороги. Еще издалека мы увидели около кузнецовского дома пеструю толпу и слышали плач. А когда подъехали ближе, увидели похоронную процессию, которая выходила из кузнецовского двора.

Три дня назад, на речке, молнией убило дедову внучку, Галку. Это первая майская гроза – быстрая и скоротечная, Галка с подружкой бегала за огородами, и вдруг в мутновато-белесом небе словно бы кто-то тряхнул огромный жестяной лист. Тяжелый гул прокатился над замлевающим от весеннего тепла поселком, и, словно из гигантской лейки, хлынул крупный проливной дождь.

Никто не видел, как узкая полоска молнии, пропоров тучу, впилась в берег реки.

Галкина подружка ойкнула, схватилась за волосы и вместо гребенки нащупала пепел. А Галка, неуклюже взмахнув руками, упала на зеленый травяной коврик и остекленело уставилась в небо. Никаких следов ожогов на ней не было, только на пятке чернело круглое пятнышко, словно к ней прикоснулись раскаленным железом.

На похороны собралось много народу: Галкина смерть была неестественной и трагичной.

Дед Кузнецов, сутулясь, подставлял под гробик внучки

словно бы надломленное плечо, и по его изжеванным усам и всклокоченной бороде стекали мутные струйки. Рядом с ним, в развевающейся красной рубаше, семенил его свояк дедушка Лапин. Галкина мать, повариха детского санатория, пошатываясь, брела сзади.

– Солнышко ты мое незакатное, говорила же я тебе, чтобы ты не ходила в это проклятое место, а ты меня не послушались, – хрипло причитала она, поднимая над головой крупные, опаленные у плиты руки. Ее с обеих сторон придерживали молчаливые заплаканные старухи. А весна была в самом разгаре. На обогретых солнцем увалах пронзительно голубели ургуйки, бледно-розовым пламенем загорались кусты сибирского абрикоса. Дурманно пахло черемухой и багулом, лиственницы выпустили нежные зеленые кисточки, набухшие березовые почки походили на сжатые кулачки.

Разрешили временно перекрыть входные семафоры, и медлительная процессия двинулась прямо через песчаную насыпь, через пахнущие мазутом железнодорожные пути.

Я сидел на телеге и судорожно глотал горячие слезы. Бра-тишка недоуменно крутил головой, лошадь тяжело вздыхала и шумно хрумкала овсом.

Мать положила руку на мою голову, ласково и печально сказала:

– Ты тоже, сынок, сходи, проводи ее в последнюю дорожку. Вон сколько ребятишек идет.

Я неуклюже сполз с телеги и на негнущихся ватных но-

гах побрел следом за похоронной процессией. На горе, в жиденьком соснячке процессия остановилась.

Галкина мать опустилась на колени перед гробом и запричитала еще громче. Рядом беззвучно плакали дед Кузнецов и дедушка Лапин. В ногах у Галки подбитым воробышком сидела раскосая девчонка и размазывала по лицу слезы. Это была Надя Филатова, которая бегала с Галкой около речки в тот роковой день.

На кладбище терпко пахло багульником, листвянкой, ургем. Краснозобый дрозд бесстрашно сел на сосновую ветку и с любопытством заглянул в яму. Бурундук, свистнув, проскочил по краю могилки и полосатой змейкой взметнулся на вершину сосны. В яму тоненькой струйкой потек песок. Печальная траурница, взмахнув тусклыми крылышками, села на крышку гроба и задремала.

Когда гробик опустили в могилу, все стали бросать на него землю горстями. Бросил сыроватый комок и я.

После похорон все снова вернулись в дом Кузнецова, чтобы помянуть Галку. Дед Кузнецов, кряхтя, перелез в наш двор и, не глядя на отца, глухо сказал:

– Вот так оно бывает, Михалыч: то ты меня на вожжах тянул в свой колхоз, а теперь сам отгуля пятки смазал... На проклятое место поселились, Михалыч, факт. Приходи помянуть внучку.

Отец с матерью пошли к Кузнецовым, а я сел на телегу и зло хлестнул кнутом лошадь: ее надо было сегодня же угнать

обратно в деревню.

Поиски

Всю дорогу я вспоминал своих деревенских друзей, с радостью узнавал знакомые с детства места.

Вот реденький березняк, в котором мы собирали влажные, пахнущие прелой листвой грузди. И когда из этого березняка охотник Цыренов принес домой в мешке волчий выводок, даже старики удивленно разводили руками.

Из перелеска дорога спускается вниз, ныряет под железнодорожный мост и сразу за ним открывается деревня. Небольшой речушкой она разделяется на две части. Та сторона, где жили мы, была безымянной, а противоположную называли Казачкой. Речушка во время дождей выходила из берегов и затопляла подступавшие к ней огороды. Тогда к дому моего друга Борьки Цыренова можно было пройти, только закатив брюки выше колен. Его крохотный, в одно окно, домик стоял на самом берегу. Отец не раз предлагал Цыреновым перетащить трактором дом на другое место. Но Цырен Цыренович, Борькин отец, отмахивался:

– Хо, Борька рыбачит прямо с крыльца. Пусть лучше речка приходит к нему, чем ему идти к речке. Магазиновое место, никуда отсюда не съеду!

Борькин отец был охотником и почти весь год пропадал в тайге. Борька оставался вдвоем с матерью. Говорили, что она заплетает ровно сорок косичек. Сколько их было на самом

деле, никто не считал. Но свешивались они с ее головы, как спагатины или черные макароны. А на конце каждой косички позвякивал крошечный колокольчик.

Больше всего мы любили есть лепешки, которые пекла Борькина мать. Кирпичной печи в Борькином доме не было, стояла в нем лишь приземистая жестяная печка. Густо раскатав тесто, Борькина мать на ладонях нашлепывала лепешки и бросала их прямо на раскаленное докрасна железо. Лепешки шипели, на них вздувались и лопались черные пузыри. Мы, обжигаясь, ели эту преснятину, и она казалась нам вкуснее каменистых сельповских пряников.

Цырен Цыренович делил все вещи на магазинские и сельповские. Винтовка и бинокль для него были магазинскими, слабая махорка или пересохшие пряники – сельповскими. Сначала мы удивлялись и не понимали такого разделения. Но потом привыкли и сами стали делить все вещи на сельповские и магазинские. Действительно, хорошие вещи можно было достать только в городских магазинах, а в нашем сельпо хороших товаров почти не бывало.

Когда вода в речушке была тихой и светлой, мы с Борькой привязывали к палкам вилки и шли колоть пескарей. Зимой тоже целыми днями пропадали на речке. Коньков у нас не было, и мы катались на штыках от винтовок. К левой ноге привязывали подкову, чтобы отталкиваться, правой вставляли на штык – и пошел!

А у кого не было «магазинского» штыка, тот становился

на откованный кузнецом Бутаковым «сельповский» полозок. Ребятишек в деревне было много, и они вечно толпились в кузнице. Бутаков всем им ковал полозки и подковки, только за это надо было качать кузнечный мех. Это было нелегко, но интересно. Качаешь быстрее – пламя в горне становится светлее и ярче. Перестанешь качать – оно съезживается и синеет.

Бутаков, казалось, не работал в кузнице, а играл. Накалится в горне железо, он положит его щипцами на наковальню и постукивает по нему маленьким молоточком. По тому месту, куда он опустит молоточек, молотобоец должен ударить молотом. Поэтому в кузнице с утра до ночи стоял металлический перезвон: динь-тук, динь-тук, бах!

Молоточек бил отрывисто, звонко. Молот бухал тяжело, протяжно.

Кузнец Бутаков жил недалеко от нас и после бани часто приходил к нам пить чай с медом. Руки и лицо его были в маленьких черных точках от железной окалины.

Бутаков пил чай с блюдца, держа его перед собой на вытянутых пальцах, и поминутно отдувался. На шее у него висело вышитое полотенце, и он утирал им вспотевшее лицо. Когда его начинал бить кашель, жилки на его шее пульсировали и синели.

Разговор за столом шел то о колхозных делах, то о былых партизанских походах. Когда в Забайкалье ворвались семеновцы и японцы, больше половины жипкинских мужчин

ушли в партизанские отряды. За это семеновский карательный отряд расстрелял в селе несколько стариков и спалил полдеревни. На месте пепелищ выросли новые дома и уже успели почернеть от времени.

Когда Борькин отец приходил из тайги, в нашем доме вкусно пахло то изюбриным мясом, то медвежьим. Цырен Цыренович рассказывал о том, как он нашел берлогу или выследил волчью стаю, и тогда мы сидели, боясь шевельнуться.²

Трудно было определить, когда он говорит правду, а когда сочиняет байки. Однажды он рассказал, как раненый лось бросился за ним вдогонку и поднял его на рога.

– И как же вы потом с ним сладили? – испуганно всплеснула руками мать.

– Хо, так на рогах и приехал в зимовье. Закрою ему шапкой правый глаз, он поворачивает налево. Закрою левый – шагает направо. Доехал как на быке!

А как-то Цырен Цыренович подстрелил козла. Здоровенный гуран свалился в снег и судорожно забил ногами. Цырен Цыренович пожалел второй патрон и накинул ему на шею ремень от винтовки. Козел бешено повел глазами, вскочил и пулей улетел в ерники вместе с винтовкой.

В сельсовете не поверили Цырену Цыреновичу и пригрозили за потерянную винтовку судом. Несколько дней ходил он по тайге в поисках пропавшей винтовки. И когда уже совсем отчаялся, наткнулся в одном из распадков на мертвого

² **Изюбр** (изюбрь) – крупный восточносибирский олень.

гурана. Винтовка не дала ему проскочить между деревьями, так он и задушился, повиснув на крепком ремне...

– Хо, вот он и сам. А я хотел идти по его следам, – раздался вдруг надо мной голос Цырена Цыреновича. Лошадь, оказывается, уже подошла к Борькиному дому и остановилась около приземистого крылечка.

– Ну, как доехали, на ладном ли месте устроились? – пыхнул охотник угарным табачным дымом.

– Проклятое, говорят, место, – выдавил я, передавая ему вожжи. – Девчонку сегодня хоронили, громом убило.

– Неладно, однако, жизнь началась, плохо. Сельповское место, да? Ничего, паря, оботрется. Ты в свои годы еще только на пригорок поднялся, потом придется в хребет шагать. Не все смогут на него подняться, дорога шибко худая. Я-то уже с хребта шагаю, – усмехнулся Цырен Цыренович. – Ну, ничего, пойдем чай пить с лепешками. Жалко, Бориса нет, на зимовье его послал. Не дал бы он тебе скиснуть.

– Спасибо, Цырен Цыренович, – торопливо замахал я руками, – я лучше пойду, а то вечер скоро.

– И то верно, – одобрил Цырен Цыренович. – Дорогу, поди, найдешь?

– Дорога одна, – ушел я от прямого ответа, уже твердо решив отправиться не в Клюку, а к Борьке в зимовье. Перед моими глазами до сих пор стоял свежий песчаный холмик, а на нем гробик, обитый красным сатином.

Зимовье, в которое ушел Борька, было километрах в де-

сяти, у подножия Яблонового хребта. Там с Борькой мы бывали не один раз.

Дойдя до Кузнецовской падушки, я по едва заметной тропинке свернул направо. Из-под ног, как заведенные, выскакивали испуганные кузнечики, а высоко в небе неподвижно висел жаворонок. Он лениво трепыхал крыльями и заливался легкомысленной трелью. Небо над ним было голубое-голубое, словно его протерли мокрой тряпкой и надраили зубным порошком.

На закрайке березняка столбиками стояли у своих нор суслики, подставив спины горячему солнцу. А в лесу было еще прохладно и кое-где из-под кустов проглядывали белые наметы снега.

Влажный мох под ногами мягко пружинил. Когда под каблук попадал сучок, он разламывался с протяжным треском.

Впереди меня через тропинку с тревожным писком перебежал рябчик, а за ним, смешно переваливаясь, просеменили маленькие, почти голые рябчата. Потом раздался осторожный шорох, и на лесную полянку, пошатываясь, вышел горбоносый лосенок. Увидев меня, он по-жеребьячьи подпрыгнул и скрылся в густых зарослях зацветающего багула.

«Нет, уж если помирать, так зимой, когда вокруг холодно и неудобно», – почему-то подумал я. Вспомнив о Галке, я чуть снова не разревелся, и тугой жесткий комок подкатил к моему горлу.

Когда я подошел к Борькиному зимовью, было уже почти

темно. Борька одиноко сидел на корточках около неяркого костра и набивал мохом чучело белки.

– Гости идут, ли чо ли? – не поднимая головы, спросил он, вслушиваясь в вечернюю тишину. – Чо ты такой несмелый, крадется, как рысь к инджигану.³

Увидев меня, Борька вопросительно приподнял брови.

– Хо, – подражая отцу, удивленно воскликнул он, – ты же совсем уехал?

– Уехал, – опустил я рядом на смолистый лиственный кряж. – Уехал с гулянки, а попал на поминки.

– Тогда будем ночевать здесь, – твердо заявил Борька, выслушав мой несвязный рассказ. – Мать с отцом тебя не хватятся?

– Догадаются, что ночью в деревне. Расскажи, Борь, как вы с отцом на охоту ходили. Тошно чегой-то.

Мы легли на покрытый козлиной шкурой топчан. Борька закинул руки под голову и начал рассказывать одну из бесчисленных охотничьих историй. За стенами зимовья угрожающе ухал филин, постанывала какая-то птица, что-то похрустывало и шумело. Но рядом лежал сын охотника, который не раз выходил с отцом в тайгу, и мне было совсем не страшно. Под Борькин рассказ я заснул, как под шум затяжного дождя. Всю ночь мне снились какие-то кошмары: то наводнение, то пожар. Все вокруг рушилось и гремело, слышались то людские вопли, то выстрелы.

³ Инджиган – детеныш косули.

Я хотел повернуться на другой бок, чтобы прогнать этот нелепый сон, но, приоткрыв глаза, увидел, что Борька насто-роженно сидит на нарах и напряженно вслушивается в ночную мглу. Его приплюснутый нос и высокие скулы тенью выступали на фоне чуть посеревшего от рассвета оконца.

– Чуешь, кричат? – встревоженно повернулся ко мне Борис. – Что-то стряслось, понял?

В ту же минуту где-то недалеко грохнул выстрел, и по молчаливому сумеречному лесу неуверенно прокатилось:

– Э-э-эй!

Я прижался к Борькиному плечу.

– Правда, кричат. Борь, что это?

– Не знаю, – так же шепотом ответил Борис. – Беда какая-то, точно.

Я еще теснее прижался к Борьке.

Крики приближались, снова бабахнул выстрел, и дверь избушки с треском распахнулась. Мы вжались в стенку.

Кто-то заслонил собой проем двери, вспыхнул желтый огонек спички, и высокий человек голосом Борькиного отца сказал:

– Хо, я же говорил, тут его искать надо!

Зимовье вмиг наполнилось людьми, поднялся возбужденный гвалт:

– А мы-то думали, заблудился!

– Всю ночь его, варнака, ищем, а он вон где прохлажда-

ется!⁴

Кто-то в снова наступивших потемках сел рядом со мной, и я почувствовал, как теплые ладони сжали мою голову и на макушку упала горячая капля.

– Ну как же ты так мог, сынок? – с нежностью и укором тихо спросила мать. – Мы уже все передумали. Потерялся, да еще в такой день! Отец говорит, в деревне заночевал, а у меня селезенка екает, ведь в проклятое место приехали. Пришли в деревню, а Цырен Цыренович удивляется, домой, мол, ушел. Ну и подняли полдеревни, пошли шастать по лесу. Иду, а сама думаю: не волки ли на него напали...

– Драть его надо, – пыхнув самокруткой, миролюбиво сказал кузнец Бутаков.

– Ладно, что хоть вообще нашелся, – поправил его колхозный сторож Парфенов.

Мужики снова загалдели, вспоминая детали своего ночного похода. Ни угроз, ни упреков не слышалось в их голосах, а, напротив, какое-то радостное возбуждение. Только отец помалкивал, сидя на порожке, и мать все крепче сжимала в ладонях мою непутевую голову.

⁴ **Варна́к** – бежавший с каторги, здесь: негодник.

Шапочное знакомство

В Клюке мать приняла магазин. В Жипках она работала в сельпо. Здание сельпо там было большим, светлым, а этот магазин походил скорее на ларек или на лавку. Отца назначили завхозом костно-туберкулезного санатория, что раскинулся на горе в лесу. Среди густого сосняка стояло огромное больничное здание с большой открытой верандой. Рассказывали, что все больные там лежат в гипсе, некоторые даже по несколько лет. Ноги-руки у них подтянуты к потолку специальными тросами, а иногда их растягивают гирями и пружинами. Но никого, кроме обслуживающего персонала, туда не допускают.

Жить же нам выпало в «проклятом» месте возле речки, за линией железной дороги. Здесь была старая заброшенная баня, магазин и всего три дома.

Наш дом казался мне заколдованным. Бывшие хозяева оставили на чердаке засохшие шкуры, бутылки, всякую рухлядь. Поэтому по ночам там вечно что-то скрипело, шуршало и бухало. Дом корежила вечная мерзлота. Летом дощатые перегородки не доставали до потолка. А зимой упирались в него и изгибались в дугу. Подполье заполняла вода – хоть плавай.

Перед окнами дома проходила Транссибирская магистраль, сразу за огородом протекала злосчастная речонка со

странным названием Зон-Клюка. Когда мимо проходили поезда, дом содрогался и в окнах звенели стекла. А когда снова наступала тишина, слышно было, как за огородом шумела речка.

Речка была небольшая, но побольше, чем в Жипках. Во время дождей она тоже разливалась, затопляя огороды. Тогда они превращались в сплошное месиво. Земля здесь была болотистой, зыбкой. Только в засушливые годы, когда в поселке все выгорало, здесь можно было что-нибудь вырастить. А в остальное время картофель и овощи вымокали. Вот почему на эту сторону никто не хотел селиться.

Но люди со всего поселка ходили сюда каждый день – в магазин. И по праздникам – Первого мая и Седьмого ноября – шли тоже сюда. Недалеко от нашего дома стояла пирамидка с надписью: «Здесь в августе 1918 года белочехами был расстрелян А. А. Чернов». К этой пирамидке, построившись в колонну, приходили демонстранты и устраивали митинг.

И веселее всего по вечерам было тоже здесь. Напротив заброшенной бани, за насыпью, стояла водокачка, а чуть левее – станционное здание. Когда в Жипках говорили: «Еду на станцию», под этим подразумевали поселок Клюка. Но когда в поселке говорили: «Иду на станцию», подразумевали вокзал. Однако вокзалом станционное здание нельзя было назвать. В одной его половине жили, а в другой находились комната дежурного по станции, закуток кассира и крохотный зал ожидания. Самого кассира на полустанке не было, и би-

леты продавал дежурный.

Вечером из города приходил пригородный поезд. Он стоял минуту-две и по удару станционного колокола отправлялся дальше. Перед его приходом вся молодежь собиралась на перроне. Он был вроде бульвара: здесь гуляли, пели, играли на гармошке. А когда приходил поезд, узнавали от ездивших в город последние новости, шутили, разговаривали с пассажирами. И расходились только через час-два после того, как уходил поезд.

Как я уже сказал, на нашей стороне стояло всего три жилых дома. В одном жил дед Кузнецов, в другом поселились мы, а третий – белая мазанка, что притулилась к самому магазину, – принадлежал магазинскому сторожу и вознице Григорию Савельевичу Савченко, которого все коротко называли Савеличем. Отец почему-то сразу его невлюбил.

– Хитрый, себе на уме, – хмуро сказал он. – В глаза льстит, а за глаза рычит. От этого всего можно ожидать.

Савеличу было за пятьдесят, но он был кряжистым, крепким. Его седые, отвислые усы походили на истертые кисточки для бритья, а нос – на огрызок огурца. Ходил он прямо, чуть задрав голову. При разговоре он смотрел мимо собеседника и почти в каждую фразу вставлял слово «законно».

Говорили, что он приехал сюда с Западной Украины года полтора назад. Сначала работал на электростанции кочегаром, потом сторожем в санатории и, наконец, в магазине.

В этой мазанке, что притулилась к магазину, жила одино-

кая женщина Фекла Михайловна Прянова – полная, белая и близорукая. И как-то так случилось, что Савелич вскоре перебрался к ней. В загс они не поехали, потому что Савелич сказал:

– Ни к чему такое-то в наши годы. Если притремся друг к другу – исключительно дружная семья будет. А нет – и свидетельство не поможет.

В этот же год он припахал к огороду еще шесть соток.

– Каждой семье полагается столько, а у нас две семьи: Прянова сама по себе, а я сам по себе. Ведь мы же не зарегистрированные. Законно!

Со вторым соседом, дедом Кузнецовым, у отца отношения были совсем неважные. После похорон Галки дед Кузнецов окончательно ушел в себя и словно бы не замечал окружающих. С отцом он не здоровался, считая его чуть ли не виновником всего происшедшего. Единственная его дочь Поля жила в поселке и после Галкиной смерти боялась приходиться на наше проклятое место. Дед Кузнецов почти целыми днями пропадал на горе у свояка Лапина, спускаясь домой только для того, чтобы стреножить и отпустить на луг свою мохноногую лошаденку.

Робинзону Крузо, наверное, веселее жилось на необитаемом острове, чем мне первые дни в незнакомом, чужом поселке. Никто не приходил к нам в гости, встречные смотрели подозрительно. Даже собаки норовили вцепиться в ногу, когда я проходил мимо чьего-нибудь дома.

Податься было некуда, и два дня мы с братишкой просидели на чердаке, копаясь во всяком хламе. За огородом, где призывно шумела речка, был островок настоящей тайги с мохнатыми лиственницами, мхом, корягами. Дальше шла падь Зон-Клюка, которая принадлежала жипкинскому колхозу. За падью начинались березняки. А за березняками открывалась новая падь – Барон-Клюка. Местами она была болотистой, местами каменистой, жители поселка косили там для своих коров сено. Но после Галкиной смерти речка стала для нас запретным и страшным местом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.